

Баба - Яга.

ИЛѢ въ нѣкоторомъ городѣ купецъ съ женою, а у нихъ была дочка Настя, единое дитятко. Не наглядятся на дочку отецъ съ матерью, не на радуются; берегутъ пуще глаза, чтобы вѣтеръ на нее не пахнулъ, горячее солнышко ея личика не опалило. Жилъ купецъ въ хорошемъ достаткѣ, съ женою—въ любви да согласіи: добрые люди ихъ житію радуются, а худые завидуютъ.

Пуще всѣхъ завидовала купцовой женѣ одна ихъ сосѣдка вдова, и задумала она купчиху извести, чтобы самой потомъ за купца замужъ выйти. Была она женщина еще въ самой порѣ: высокая бѣлая да румяная, хотъ отъ перваго мужа у нея было двѣ дочери, постарше Насти. Собралась вдова и пошла въ дремучій темный лѣсъ; а въ томъ лѣсу жила ея тетка Баба - Яга, злая колдунья. Все вдова Ягѣ рассказала, ничего не потаила и дала ей Ягѣ два яблока,—не простыя, заколдованныя: первое женщинѣ дать, — обернется она коровою, а вторымъ всякаго мушину къ себѣ приворожить можно.

Вернулась вдова домой, сейчасъ пошла къ своей сосѣдкѣ и стала ее звать: «Что ты все дома сидишь? Пойдемъ въ зеленой рощѣ погуляемъ». Согласилась купчиха, взяла съ собою дочку—и пошли онѣ въ зеленую рощу гулять. Какъ завидѣла Настя цвѣточки алые, лазоревые,—принялась ихъ рвать, вѣнки заплетать. Деревцо за деревцо, кустикъ за кустикъ,—и отошла отъ родимой матушки изъ виду. Въ ту пору купчиха отъ жары

притомилася, захотѣлось ей испить. Подвела ее вдова къ глубокому бездонному пруду, что посреди рощи былъ, и говоритъ: «Можно изъ пруда напиться, только вода въ немъ плохая, стоялая. Лучше, скушай вотъ это яблочко, спѣлое да сочное.» И дала купчихѣ заколдованное яблоко. Только откусила купчиха яблока—обернулась коровой-Буренушкой. А вдова давай кричать, людей на помощь звать: будто оступилась купчиха съ крутого берега и въ пруду утонула. Собрались люди, стали баграми въ пруду искать, невода закидывать,—не нашли купцовой жены, и разошлись по домамъ.

Пошелъ домой и купецъ съ дочкой, а корова-Буренушка ни на шагъ отъ нихъ не отстаеъ, идетъ сзади, въ лицо Настѣ заглядываетъ, и текутъ изъ ея глазъ слезы, точно человѣкъ горько плачетъ. Пришли домой. «Чья это корова?—спрашиваетъ Настю отецъ.—Надо ее прогнать». Стала Настя его просить-молить, чтобы оставилъ онъ Буренушку, не гналъ бы со двора. «Ну, хорошо,—говоритъ купецъ,—пусть побудеъ, пока хозяйинъ не сыщется». Не отыскался хозяинъ у Буренушки, такъ она и осталась.

Прошло послѣ того съ годъ времени,—ужъ купецъ во вдовѣ души не чаеъ; околдовала она его приворотнымъ яблокомъ и такъ ему полюбилась, что только онъ и думаетъ, какъ бы ее за себя замужъ взять. А вдовѣ то и на руку: какъ посватался къ ней купецъ, сейчасъ веселымъ пиркомъ да за свадьбу,—и перешла вдова съ дочерями жить къ новому мужу въ домъ.

Худое тутъ Настѣ пришло житье. День и ночь мачеха на нее ворчитъ. Какъ у ней языкъ не заболитъ?!... Все не такъ, все худо; поидеъ и придетъ, станеъ и сядеъ,—все не впопадъ. Съ утра до вечера, какъ заведенныя гусли! У родимой матушки Настя, какъ сыръ въ маслѣ каталась, а у мачехи каждый день слезами умывалась. Что дѣлать? Вѣтеръ хоть пошумить, да затихнеъ, а злая баба расходится! — не скоро уймется: все будеъ придумывать да зубы чесать. Чужіе люди Настю любили и жалѣли, а мачеха съ сестрами ея красотеъ завидовали, мучили ее всякими работами, чтобы она отъ трудовъ похудѣла, отъ солнца почернѣла. Только какъ ни стара-

лись онѣ Настю извести.—ничего подѣлать не могли: сами отъ злости худѣли да дурнѣли, а Настя со дня на день хорошѣла. какъ пышный цвѣтокъ распускалась, на всю округу первой красавицей, первой рукодѣльницей слыла.

Злится мачеха день ото дня больше, а того не знаетъ, что помогала Настѣ ея коровка-Буренушка. Вотъ какъ это дѣло сталося. Только что вышла вдова замужъ за настиного отца, придралась чего-то къ падчерицѣ, и выгнала ее вечеромъ зимою въ лютый морозъ изъ дому вонъ: ночуй, гдѣ хочешь. Посидѣла бѣдняжка въ сѣняхъ,—не знаетъ, гдѣ голову приклонить,—и надумала, пойти хотъ въ хлѣвъ погрѣться. Вошла въ коровникъ, прижалась къ своей Буренушкѣ, обхватила ее за шею; стоитъ, горькими слезами обливается.

Вдругъ, въ самую полночь, только что пѣтухи пропѣли, говоритъ ей Буренушка человѣчьимъ голосомъ: «Не плачь, мое дитяtko, не горюй! Знаю я твою бѣду и въ ней тебѣ помогу. Вѣдь я твоя родная матушка: обернула меня коровой злая разлучница, мачеха. Говорить съ тобой человѣчьимъ голосомъ можно мнѣ только одинъ разъ въ году,—въ нынѣшнюю ночь,—и то только три минуточки. Слушай скорѣй: какъ приключится тебѣ отъ мачехи какая бѣда,—побьетъ она тебя или тяжелой работой замучаетъ,—приходи ко мнѣ; въ одно мое ушко влѣзь, въ другое вылѣзь, и все горе твое какъ рукой сниметъ, еще больше похорошѣешь. А если работу какую непосильную тебѣ мачеха задастъ, приноси, коли можно, ее ко мнѣ; я тебѣ и въ этомъ помогу».

Такъ и стала дѣлать Настя. Обидитъ ее мачеха, она прокрадется въ хлѣвъ къ своей Буренушкѣ, упадетъ ей на шейку, какъ къ родной матери, и выплачетъ свое горе: «Буренушка-матушка! Бьютъ меня, журятъ, хлѣба не даютъ, плакать не велятъ! На завтра приказала мачеха пять пудовъ льну на прясть, наткать, побѣлить, въ куски скатать». Потомъ влѣзетъ Буренушкѣ въ одно ушко, въ другое вылѣзетъ,—горя какъ не бывало и вся работа сдѣлана: и нарядено и наткано и побѣлено и скатано. Поглядитъ мачеха на сработанное, побряхтитъ, поворчитъ, спрячетъ въ сундукъ своимъ дочерямъ на приданное, а падчерицѣ еще больше работы задастъ.

Время идетъ да идетъ, а Настя часъ отъ часу все цвѣтетъ, хорошеетъ. Всѣ женихи только къ ней сватаются,—на мачехиныхъ дочерей никто и смотрѣть не хочетъ. Мачеха пуще прежняго злится и всѣмъ женихамъ одно отвѣчаетъ «Не выдамъ меньшей прежде старшихъ!» А проводивши жениховъ, побоями зло Настѣ вымещаетъ.

Билась-билась мачеха съ падчерицей,—ни что не беретъ. И порѣшила она пойти къ Бабѣ-Ягѣ въ дремучій лѣсъ за совѣтомъ: какъ-бы Настю извести. Говоритъ ей Яга. «Ничего ты съ ней не подѣлаешь, пока у васъ въ домѣ корова-Буренка живетъ: вѣдь корова-то ея мать. Прикажи ты корову эту зарѣзать, а падчерицу потомъ пришли ко мнѣ за какимъ нибудь дѣломъ. Я ужь съ ней по своему управлюсь».

Только что вернулась купчиха домой,—начала къ мужу приставать: «Вели корову-Буренку зарѣзать: она всю ночь мычить, мнѣ спать не даетъ. Молока отъ нея нѣтъ, только даромъ кормимъ». Услыхала это Настя, испугалась, стала-было отца просить, чтобы не слушалъ мачехи, не велѣлъ рѣзать любимую Буренушку,—какъ накинется на нее мачеха: «Ахъ ты такая-сякая, хочешь меня съ мужемъ ссорить!» Избила Настю и вонъ изъ дому выгнала. Купцу что до коровы,—рѣзать, такъ рѣзать,—послать за мясникомъ, чтобы на другой день зарѣзать корову.

А Настя прибѣжала ночью къ своей Буренушкѣ, припала къ ея шеѣ, плачетъ горькими слезами да приговариваетъ: «Родимая моя Буренушка! Нѣтъ конца мачехиной злобѣ: приказала она тебя завтра зарѣзать. Убьютъ тебя,—на кого я, горемычная, останусь?» Отвѣчаетъ ей Буренушка человѣчьимъ голосомъ: «Не плачь, дитятко мое милое, слезами горю не поможешь: видно, такъ мнѣ на роду написано. Не то бѣда, что убьютъ меня, а то горе, что нельзя ужь мнѣ будетъ помогать тебѣ, какъ я прежде помогала. А все-таки не оставляю я тебя безъ помощи. Какъ зарѣжутъ меня, попроси ты мясника, чтобы отрубилъ онъ мой правый рогъ; береги его всегда при себѣ, никому не показывай; а когда приключится съ тобой какая бѣда,—приложи рогъ къ уху и слушай: онъ тебя научить, какъ горю пособить».

На другое утро зарѣзали Буренушку при злой мачехѣ; а какъ ушла она и сталъ мясникъ мясо на части рубить,—выбѣжала къ нему Настя и выпросила себѣ на память правый буренушкинъ рогъ.

Вскороги послѣ того понадобилось купцу ѣхать изъ дому на долгое время по торговымъ дѣламъ. Какъ уѣхалъ онъ, мачеха перешла на житѣе въ другой домъ; а возлѣ того дома и начинался дремучій лѣсъ, гдѣ Баба-Яга жила. Пришла осень. Разъ вечеромъ, мачеха раздала всѣмъ тремъ своимъ дѣвушкамъ работу: старшую дочь заставила кружева плести, младшую—чулки вязать а Настю — прясть, и всѣмъ большіе уроки въ работѣ задала. Погасила огонь во всемъ домѣ, оставила только одну свѣчку въ той горницѣ, гдѣ работали дѣвушки, а сама спать легла. Дѣвушки работали. Только вдругъ, затрещала свѣчка,—что-то на свѣтильню попало,—и начала гаснуть. Старшая мачехина дочка стала-было поправлять свѣтильню, да вмѣсто того, по приказу матери, будто нечаянно, и потушила свѣчку вовсе. «Что намъ теперь дѣлать?—говорить.—Огня нѣтъ въ цѣломъ домѣ, а уроки наши не кончены. Надо сбѣгать за огнемъ къ Бабѣ-Ягѣ».—«Мнѣ отъ спицы свѣтло,—говорить младшая мачехина дочка, что чулки вязала,—я не пойду».—«И я не пойду, мнѣ отъ булавокъ свѣтло»,—говорить ея сестра, что кружева плела. «Тебѣ за огнемъ идти!—закричали обѣ. — Ступай къ Бабѣ-Ягѣ!» И вытолкали Настю изъ горницы.

Пошла она въ свой чуланчикъ, сѣла и задумалась: «Чѣмъ мнѣ каждый день муки терпѣть, пойду лучше къ Бабѣ-Ягѣ: одинъ конецъ!» Вынула буренушкинъ рогъ, приложила его къ уху—и слышитъ, точно издали ей тихій голосъ говорить: «Не бойся, Настенька, дочка моя милая; ступай, куда посылаютъ. Только смотри: рога съ собой взять не забудь да почаще его слушай,—ничего съ тобой у Яги не случится». Настя спрятала рогъ за пазуху, перекрестилась и пошла въ дремучій лѣсъ.

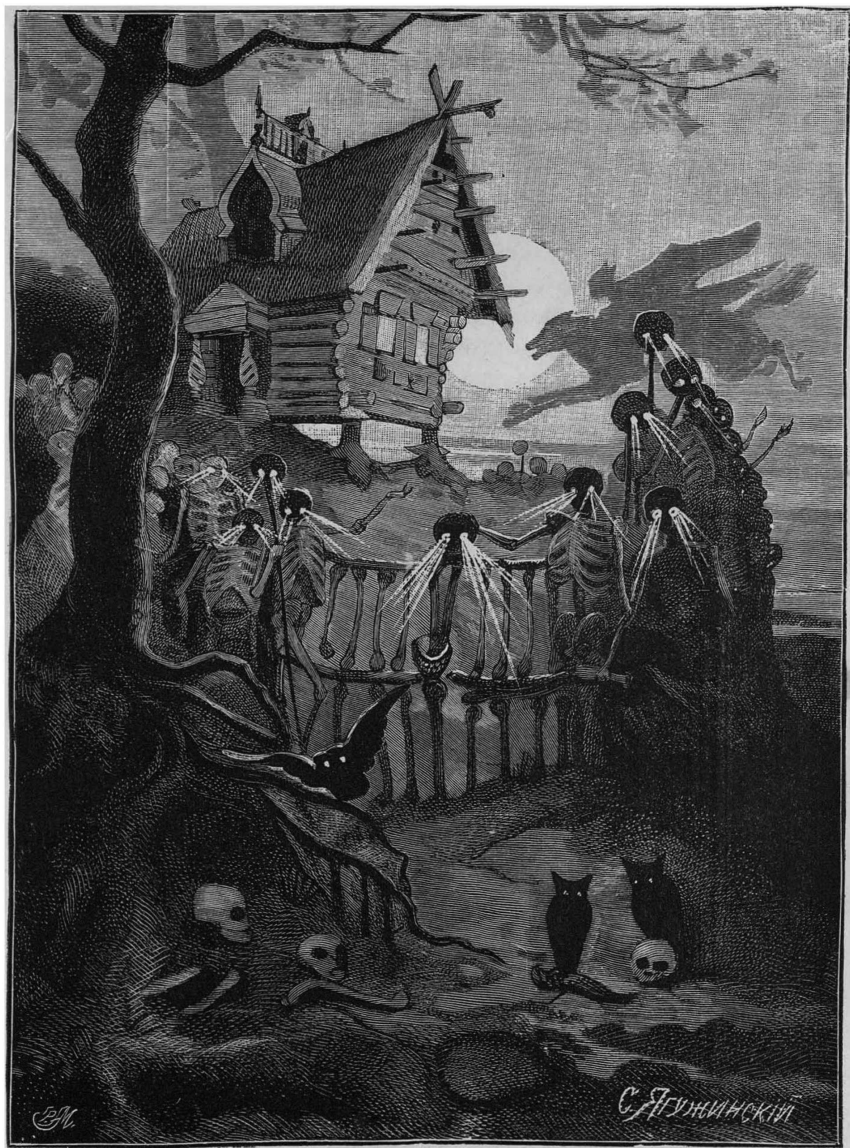
Всю ночь шла Настя, не останавливаясь; чуть-чуть сѣрѣтъ въ лѣсу стало—вышла она на поляну, гдѣ стояла избушка Бабы-Яги. Стоить избушка на курьихъ ножкахъ, на пѣтушихъ пятакахъ, кругомъ избушки заборъ изъ человѣчкихъ кос-

тей, на заборѣ торчатъ черепа людскіе съ глазами, и горять эти глаза яркимъ огнемъ, такъ что на полянѣ, какъ днемъ, свѣтло; вмѣсто верей у воротъ—ноги человѣчьи, вмѣсто запоровъ—руки, вмѣсто замка—ротъ съ острыми зубами; за заборомъ собачка бѣгаетъ, побрѣхиваетъ. Обомлѣла Настя, прижалась къ дереву, шевельнуться со страху не можетъ.

Вдругъ, скачетъ черезъ поляну всадникъ: самъ бѣлый, одѣтъ въ бѣломъ, конь подъ нимъ бѣлый и сбруя на конѣ бѣлая,—стало разсвѣтать, мѣсяцъ за гору зашелъ, у череповъ глаза начали гаснуть. Все стоитъ Настя, отъ страха опомниться не можетъ. Немного погодя промчался другой всадникъ: самъ красный, одѣтъ въ красномъ, конь подъ нимъ красный и сбруя на конѣ красная,—стало всходить солнце. Все стоитъ Настя, тронуться съ мѣста не смѣетъ, не знаетъ, что дѣлать. Вынула она изъ-за пазухи буренушкинъ рогъ, прислушалась,—изъ него говоритъ ей голосъ: «Сейчасъ пріѣдетъ Баба-Яга съ добычи, ты къ ней подойди, свое дѣло ей скажи, все, что она прикажетъ, дѣлай и никому, кто что отъ тебя будетъ просить, не отказывай».

Вдругъ, страшно въ лѣсу загремѣло, завывло, застучало; поднялся вихрь, деревья къ землѣ приклонились, застонала мать сыра-земля, — выѣзжаетъ изъ лѣсу Баба-Яга, костяная нога; въ ступѣ ѣдетъ, нестомъ погоняетъ, помеломъ слѣдъ заметаетъ. Подъѣхала къ воротамъ, остановилась, оглядѣлась, кругомъ: «Фу-фу-фу! Русскимъ духомъ пахнетъ! Кто здѣсь есть—отзовись!» Настя подошла къ старухѣ со страхомъ и низко ей поклонилась: «Это я, бабушка. Меня мачехины дочки прислали огоньку у тебя попросить». — «А, внучка, наконецъ-то ты ко мнѣ пожаловала! Ну, входи въ мой домъ, поработай на меня. Коли угодишь,—будетъ тебѣ огонь; а нѣтъ,—не прогнѣвайся: найдемъ и для твоей головы въ заборѣ свободный колъ!» Потомъ обернулась къ воротамъ и крикнула: «Эй, запоры мои крѣпкіе, отомкнитесь! Ворота мои широкія, отворитесь!» Ворота отворились. Выѣзжаетъ Баба-Яга на широкій дворъ; выѣзжаетъ, посвистываетъ; позади нея Настя потихоньку вошла, и за ними опять все заперлось.

Вылѣзла Яга изъ ступы,—ступа сама въ сарай поѣхала;

Промчался всадникъ, самъ красный, конь подъ нимъ красный...

вошла Яга въ горницу и развалилась на постели. «Подавай-ка,—говорить Настѣ,—что тамъ въ печи: я ѣсть хочу!» Стала Настя таскать изъ печи да подавать Ягѣ кушанья,—а кушанья было настряпано человѣкъ на десять,—принесла изъ погреба квасу, меду, пива, вина. Все прѣла, все выпила Яга, прѣла и съ костями, выпила до единой капельки; оставила Настѣ одно только поросячье ребрушко, да и то обглоданное. «Ну, теперь,—говорить,—я до вечера спать лягу, а ты не бездѣлничай: состряпай мнѣ къ завтраку столько же ѣды, сколько было мнѣ на ужинъ приготовлено. Вотъ пока тебѣ вся работа, а буду вечеромъ уѣзжать,—дамъ тебѣ настоящее дѣло». Сказала Яга и захрапѣла такъ, что съ деревьевъ сухой листъ посыпался.

Вышла Настя на крыльцо, сѣла, на ступенькѣ и только что хотѣла позавтракать ребрушкомъ,—подходить къ ней старый облѣзлый котъ и говорить: «Мяу-мяу, дѣвица! Дай мнѣ то, чѣмъ тебя Яга поподчевала. Настя вспомнила совѣтъ буренушкина рога, отдала коту ребрушко, а сама не ѣвши осталась. Стала она ходить по двору, Бабы-Яги хозяйство осматривать: всѣ амбары, погреба, закромы полнымъ-полны припасами. Забрала она чего нужно, и принялась готовить Ягѣ къ вечеру завтракъ. Вдругъ, выбѣжали изъ-подъ пола мышки и говорить: «Дѣвица, дѣвица! Дай намъ кашки: мы тебѣ пригодимся». Она имъ дала кашки. Сготовивши завтракъ, сѣла Настя подъ окошко и задумалась. Подходить къ ней черная собачка, что дворъ сторожила, старая, худая,—кости да кожа,—и говорить: «Здравствуй, дѣвица, чего пригорюнилась?» Настя ей рассказала: объ чемъ задумалась. «Вынеси мнѣ, дѣвица, говядинки кусочекъ я тебѣ пригожусь». Вынесла ей Настя кусочекъ говядинки.

До вечера далеко, все дѣло сдѣлано,—вышла Настя на ягинъ дворъ, подошла къ воротамъ; вдругъ говорятъ ей ворота человѣчьимъ голосомъ: «Дѣвица, дѣвица, подлей намъ масла подъ пяточки: мы тебѣ пригодимся». Она подлила имъ масла подъ пяточки. А яблонька, что у воротъ стояла, тоже просить: «Подвяжи меня, дѣвица, ленточкой изъ твоей русой косы: я тебѣ понадоблюсь». Настя и яблонькину просьбу исполнила.

Подошло дѣло къ вечеру; проснулась Баба-Яга, позавтра-

кала по утрешнему и говоритъ дѣвицѣ: «Сейчасъ я уѣду, а ты въ ночь дѣломъ займись: есть у меня полный амбаръ пшеницы да кто-то со зла въ нее земли намѣшалъ. Такъ вотъ, къ утру ты всю пшеницу по зернышку перебери, каждую пшеничину обдуй, очисти, и чистую въ другой амбаръ пересыпь. Да смотри: ѣсть мнѣ приготовь. А не сдѣлаешь всего,—завтра я тобой поужинаю».

Вдругъ, мелькнулъ по двору всадникъ: самъ черный, одѣтъ въ черномъ, конь подъ нимъ черный, сбруя на конѣ черная: мелькнулъ около дома, точно сквозь землю, провалился,—наступила ночь. Баба-Яга вышла на крыльцо, гаркнула-свиснула,—подѣхала къ ней ступа съ толкачемъ. Она сѣла въ нее—и загремѣла по лѣсу.

Осталась Настя одна,—не знаетъ: за какую и работу впередъ взяться. — стоитъ у амбара да горько плачетъ. Вдругъ выбѣгаетъ мышка: «Чего, дѣвица, плачешь?»—«Какъ мнѣ, сѣрая мышка, не плакать? Наказала мнѣ Баба-Яга, къ утру изъ этого амбара всю пшеницу по зернышку отъ земли очистить и въ другой амбаръ перенести; да еще, чтобъ къ утру ей ужинъ готовъ быть».—«Ну, красавица, въ этой бѣдѣ я тебѣ помогу. Ступай Ягѣ ужинъ готовить, а съ пшеницей мы за тебя справимся». Отперла Настя амбары,—откуда ни возмись, набѣжало мышей видимо-невидимо. Давай пшеницу изъ амбара въ амбаръ по зерну перетаскивать. Еще далеко до свѣту — вся работа была готова: и пшеница перечищена и ужинъ Ягѣ послѣлъ.

Мелькнулъ во дворѣ бѣлый всадникъ, — стало разсвѣтать; мелькнулъ красный, — вошло солнце, глаза у череповъ, что всю ночь горѣли, потухли. Затрещали деревья, поднялся вихрь, дрогнула сыра земля, — ѣдетъ Баба-Яга. Настя ее встрѣтила. «Все-ли сдѣлано?»—спрашиваетъ Яга. «Изволь посмотри сама, бабушка»,—отвѣчаетъ Настя. Яга все осмотрѣла, подосадовала, что не за-что разсердиться, и сказала: «Ну, ладно: не сегодня, такъ завтра!» Потомъ крикнула: «Вѣрные мои слуги, сердечные други! Смелите пшеницу на муку!» Откуда ни возмись, явилось шесть паръ рукъ, подхватили пшеницу изъ амбара и унесли прочь съ глазъ. Подозвала Яга къ себѣ собаку съ котомъ и говоритъ имъ: «Ну, а вы, дармоѣды, смотрите: день

не спите, эту дѣвчонку сторожите, чтобы не ушла куда. Пронусь,—тогда въ васъ нужды не будетъ. Да чтобы и ворота съ яблоней свое дѣло знали. Не то бѣда вамъ всѣмъ».

Наѣлась Баба-Яга, напилась, по вчерашнему спать завалилась, и говорить Настѣ: «Ты къ вечеру мнѣ завтрака не готовь, истопи только печку пожарче; а пока я не засну, сядь здѣсь около меня да почени мнѣ голову». Настя сѣла около Яги. «Что ты такъ на меня, внучка, смотришь?—говорить ей Яга.—Ужъ не спросить-ли о чемъ хочешь?»—«Хотѣлось бы, бабушка; да все не смѣла». — «Ну, спрашивай, только думай, что спросить хочешь: много будешь знать, скоро состарѣешься».—«Вотъ, когда я на полянѣ стояла, такъ мелькнулъ всадникъ, самъ бѣлый и на бѣломъ конѣ. Кто онъ такой?»—«Это день мой ясный»,—отвѣчаетъ Яга. «Потомъ, немного погода, красный всадникъ на красномъ конѣ мимо меня проскакать. Это кто-же такой?»—«А это мое солнышко красное». — «А что значить черный всадникъ на черномъ конѣ, чтѣ вечеромъ черезъ поляну промчался и въ твоёмъ дворѣ съ глазъ пропалъ?»—«Это ночь моя темная, — все мои слуги вѣрные!» — отвѣчала Баба-Яга, повернулась къ стѣнкѣ и захрапѣла такъ, что съ деревьевъ сухой листь дождемъ посыпался.

Подождавши немного, вышла Настя на крыльцо; подбѣжать къ ней котъ и говорить: «Пришла тебѣ бѣда, дѣвица: вѣдь Яга затѣмъ печку тебѣ нагнать приказала, чтобы въ ней тебя-же зажарить и тобой позавтракать. А ты печку топи, да трубу не закрывай. Можетъ,—пока Яга ее опять калить будетъ,—ты и убѣжать успѣешь. Хорошо-бы тебѣ теперь бѣжать, да не можемъ мы тебя выпустить, пока она не проснется. До того времени приказала она намъ тебя сторожить. Что она намъ прикажетъ, то мы и дѣлать должны». Какъ сказалъ котъ, такъ Настя и сдѣлала: печку вытопила, а трубы не закрыла.

Проснулась Баба-Яга. «Вытопила печку?» — спрашиваетъ. «Вытопила»,—говоритъ Настя. «Жарко?»—«Топила-то жарко, да боюсь: ужъ не остыла-ли». Посмотрѣла Яга печку, рассердилась: «Эхъ ты, боярышня! Печку закрыть во время не умѣешь. Смотри: совсѣмъ холодная. Ступай въ свѣтелку, садись пока пряхъ; я ужъ сама печку истоплю какъ слѣдуетъ».